

ЛИЗА
БЕЛОУСОВА

ЛИСЫ И ВОЛКИ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Иллюстрация на обложке – RedDesArt

Художественное оформление *Александра Андреева*

В оформлении коллажа на 4-й странице
и внутренних сторонах обложки использованы иллюстрации:

© Pattern image, Focus no.5, ComicSans / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Белоусова, Лиза.

Б43 Лисы и Волки / Лиза Белоусова. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-04-166924-9

Секрет могущества богов заключается в их последователях: чем больше людей верит — тем они сильнее. Так они умирают, рождаются и сменяют друг друга.

Однако есть другие боги, на которых эти законы не распространяются. И лучше не лезть в их игры, даже если исполняешь роль судьи — над неуправляемыми стихиями суд не имеет власти.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166924-9 © Белоусова Л., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

август 2014 — июль 2015

Эта история была создана очень давно. С тех пор многое изменилось, но она по-прежнему посвящена Севе — за ее доброту, терпение и школьные годы, пройденные вместе.

Особая благодарность моим родителям, желающим видеть эту книгу опубликованной. И Даше — за веру даже в самые ранние и неловкие мои тексты.

Эта история написана подростком для подростков. Мне уже давно не пятнадцать, как когда я работала над ней, и потому она — драгоценное воспоминание. Это не работа мастера, но она искренна. И, надеюсь, ностальгична, ведь обращается ко времени, когда не все еще пользовались онлайн-картами.

ХЕЛЬ-I

Новость о переезде не стала для меня неожиданностью — я подозревала, что именно так все и обернется, с того момента, как брат матери переступил порог нашей квартиры и потоптался на измятом коврикe, тщательно вытирая подошвы лакированных туфель. Он произвел на родителей положительное впечатление — мама, не общавшаяся с ним лет пятнадцать, если не дольше, простила ему старые обиды и крепко обняла, а *отец* отказался от предубеждения, что родственникам жены доверять нельзя, и они пожали друг другу руки. На представительный вид дядюшки я не купилась. Серый костюм, галстук, запонки, прилизанные волосы и широкая обаятельная улыбка никак не доказывают, что человек имеет благие намерения. Скорее, наоборот. В его крысиной сущности сомнений не возникало, хотя маску он носил умело — дело опыта, а может, и врожденный талант.

Из багажа он располагал одним маленьким сереньким чемоданчиком под цвет костюма. Судя по всему, он был призван вызывать жалость — человек-то, видите ли, обездоленный, без имущества.

Как только мама вышла в коридор, он упал перед ней на колени, обвил ее ноги руками, напоминающими осьминожки шупальца, и принялся молить о прощении.

Сцена для театра, не для жизни, и сначала меня разоблачил смех — неужели в такое можно поверить? Что после долгих лет холодной войны он искренне раскаялся? Может, даже мучился все это время, и в конце концов не выдержал и пришел сюда? Глупость. Но он все-таки смог меня удивить. Поразил своим красноречием. Поставил слова так, что театральность исчезла.

Маски бывают разные. Как бы то ни было, сквозь них всегда проглядывает истинный лик владельца, ведь не существует масок, способных скрыть все. Дядюшка был превосходным лжецом, и единственной лазейкой для меня стали его глаза.

Хватило одного взгляда, чтобы понять, какая тварь скрывается за созданной им иллюзией. Его глаза были мертвыми — холодными, равнодушными, жесткими, с изредка проскальзывающей злостью или раздражением. Посмотри родители в них хоть раз, они тут же обо всем догадались бы.

Дядюшка притворялся с чувством, получая удовольствие от происходящего — играл роль идеального постояльца, помогал матери по хозяйству, вел светские беседы с отцом, гонял машинки с моим младшим братом, так что вскоре родители начали ставить его мне в пример. Я усмехалась и удалялась в комнату, игнорируя несущиеся в спину претензии, суть которых отражало одно слово — «неблагодарная».

Незванный гость, а точнее, новый жилец, не поладил только со мной. До него быстро дошло, что я вижу его насквозь. Как-то раз, когда я хотела высказать родителям все, что думаю, и убедить их выгнать его вназад, он приложил палец к губам, покачав головой. И я промолчала.

Спустя два месяца после его приезда скончался дядюшка, их с матерью отец. Согласно завещанию, квар-

тира, где мы жили с самого моего рождения, полностью отходила его сыну, то есть дядюшке. Счастью того не было предела, и тут-то он и продемонстрировал свою истинную суть: на следующий же день приказал нашей семье выметаться из *его* квартиры, указав пальцем на дверь. Отец был в шоке, мама в ужасе, младший брат ничего толком не понимал.

Разумеется, родители боролись, говорили, что он поступает не по совести, но для него это не имело значения. История закончилась тем, что в один прекрасный день мы обнаружили свои вещи на площадке возле лифтов. К счастью, мы смогли найти пристанище, где провели еще около месяца, прежде чем отец купил новые апартаменты в маленьком городке.

Особой радости от переезда я не испытывала — не хотела покидать столицу. В ней невозможно почувствовать себя одиноким, даже сидя в четырех стенах. Где бы ты ни находился, ты — часть системы, гигантского муравейника. Ты — одна из игл на спине ежа, один из палых листьев на земле поздней осенью. Чувствуешь, что рядом с тобой никого нет? Просто открой окна, и множество голосов докажет обратное. Столица кипит, ее жизнь непрерывна, она бессмертна, как птица феникс — порой сгорает, но снова восстает. Есть период упадка, период подъема, но, что бы ни происходило, она всегда раскинет над тобой крылья.

Однако родители и братец были рады. Мама постоянно твердила что-то про отдых от шума и чистый воздух, отец молча кивал и бурчал про долгожданный шанс отделаться от придирчивого начальства, а брат вслух мечтал о том, как будет прыгать в озеро, цепляясь за привязанную к дереву веревку.

Переезд показался дорогой, сотканной из лунного света, прокладывающей путь из одной Вселенной

в другую. Вспомнились чертежи с доски на уроке физики — твердая поверхность и расположенные на ней два физических тела, шарик размером с кулак и другой, побольше, где-то с три человеческие головы. Мы ехали шесть часов, и все это время я в деталях представляла, как большой шар выплевывает нас, а маленький открывает пасть и дрожит в предвкушении, когда же нас можно будет поглотить и присвоить себе.

С одной стороны, я давно хотела изменить что-то в своей жизни, с другой — мне было боязно расставаться со всем привычным — гулом исполинского города, родной комнатой с обклеенными рисунками стенами и ящиками, которые были забиты исписанными черной гелевой ручкой листами. Не хотелось расставаться даже с подначками одноклассников, ведь всегда знаешь, чего от них можно ожидать, а тут впереди лишь неизвестность, которая может оказаться еще более мерзкой, чем то, что осталось позади.

Новая квартира уступала старой по всем параметрам — была раза в два меньше, дизайн поднимал к горлу горьковатую волну отвращения, а неприлично тонкие стены пропускали каждый звук, так что уединиться без наушников не представлялось возможным. Моя комната разнилась со старой довольно ощутимо, но я бы соврала, заявив, что это плохо. В той спальне маленькое окно напоминало дыру в средневековой тюрьме. Эта, хоть и проигрывала по размерам, окна имела огромные и находилась с темной стороны здания, так что солнце не беспокоило ни утром, ни днем, ни вечером. Также имелся шкаф во всю стену — с зеркальными дверьми, так что собственное отражение можно увидеть отовсюду. Жутковато для того, кто боится монстров из Зазеркалья, но я подобным недугом никогда не страдала, даже в самом раннем детстве —

как говорится, я повелитель своих монстров, и они меня стерегут.

В первую ночь мне никак не удавалось заснуть: мешала тишина за окном и роящиеся мысли о том, какой будет новая жизнь. То, что она будет другой, было ясно и так — больше нет столицы, есть только маленький городишко с населением тридцать тысяч человек. Но какой именно будет новая жизнь? Приятнее прежней или тяжелее, такой, что взвоешь?

Нет, я не трусила. Беспокоилась, строила версии и предположения — это да. В основном насчет школы — с прошлой у меня не сложилось, с первого класса меня записали в изгой, и с каждым годом колкости становились все более изощренными. Из-за этого я ее и недолюбливала, хотя от учебы получала удовольствие. Оставалось надеяться, что здесь удастся держаться особняком, и меня никто не станет трогать.

Сообщили, что приходить мне следует после новогодних каникул, а не через два дня, как планировалось изначально, в самый последний момент, и отец долго ворчал по этому поводу — до переезда он занимал весомую должность в компании и привык ко вниманию, восхищению, уважению, а здесь его никто не знал. Отца приняли на руководящую позицию в местной сети супермаркетов, однако это и рядом не стояло с его прежним занятием.

Несмотря на неожиданность, весть о переносе первого учебного дня не могла не радовать — шутка ли, час мучений откладывается чуть ли не на две недели! Видимо, кто-то свыше сжалился. Однако момент истины надолго не оттянешь. Зимние каникулы пролетели быстро и бессмысленно.

С утра в понедельник я не чувствовала ничего, кроме легкой досады. В воображении возникали картины

того, что меня ждет — представление одноклассникам, когда на тебя смотрят тридцать пар глаз, сначала с любопытством, а затем и с насмешливым презрением, поддеванием и оскорблением, в первую пору не такими уж обидными, но постепенно набирающими обороты. От мысли, что мне снова придется сидеть в душном классе с людьми, вызывающими отвращение, и слушать гул их голосов, начинало подташнивать.

Радости оттого, что через двадцать минут нужно выходить, не прибавляло также то, что форма в новой школе обязательна — как-никак, гимназия, куда отец строил меня связями и кошельком, и за что, разумеется, я должна была биться челом в благодарности. Ходить я привыкла в черной одежде; футболки, джинсы, блузки, кофты — все одного цвета. Здесь же родители выдали комплект, удовлетворяющий всем требованиям учебного заведения, куда входила повседневная темно-синяя форма, «выходная» для мероприятий и спортивная. Протесты на корню пресекла мама: «Если бы не папа, прожигала бы ты свои таланты в среднеобразовательной шараге, а тут — частная гимназия! Учись».

Блузка, застегнутая на все пуговицы, давила на горло, ткань приходилось оттягивать пальцем, чтобы глотнуть воздуха; брюки оказались длиннее, чем требовалось, пиджак — широковат в плечах.

— Ия, ты готова? — окликнула мать, и я, окончательно решив, что в пятницу отдам вещи в ателье, вышла из комнаты, прихватив портфель. Да уж, радушное приветствие точно окажут... хорошо, если тухлыми яйцами не закидают.

На кухне брательц-монстр, наполовину одетый, орал что-то, размахивая испачканной в каше ложкой. Мама, как всегда с самого утра облаченная в строгое платье, старое и потертое, а потому использовавшееся

только в качестве домашней одежды, с уложенными золотыми локонами и красной помадой на губах, кричала что-то ему в ответ. Отец молчал, величественно восседая на стуле со спинкой, как всегда погруженный в газету.

— Доброе утро, — буркнула я.

Мама кивнула, папа не отреагировал, брат замолчал, гордо вздернув веснушчатый нос и отвернувшись к тарелке. Я залила хлопья молоком — завтракали мы молча.

— Кто нас отвезет? — уточнила я.

— Ты поедешь с папой, — ответила мама.

— В таком случае, следует поторопиться, если не хотим опоздать.

* * *

Как и ожидалось, мы едва успели — отцу приспичило взять плеер, которым он не пользовался больше двух месяцев. Тот, поцарапанный и разряженный, обнаружился в коробке со старыми проводами. К счастью, имелась возможность зарядить его в машине. В противном случае отец отправил бы меня идти пешком, а сам караулил, когда же в верхнем правом углу гаджета появятся «100%».

Он притормозил у самых ворот:

— Выбирайся скорее, а то за нами десяток машин. Не трать чужое время.

— Сама любовь и забота, — прошипела я, вываливаясь из салона.

Машина резко стартанула, и меня окатило грязью из-под колес. Дыхание перехватило от неожиданности — брюки прилипли к ногам, от холода по спине пробежал табун мурашек. От возмущения я едва не задохнулась и еле отошла на тротуар.

Превосходное начало, не так ли? Теперь издевок или, по меньшей мере, косых взглядов и усмешек в кулак не избежать.

Ну да не привыкать. До выпуска два года осталось, не так уж много.

Я деловито оглядела испачканные брюки. Оттирать бесполезно, спасет только стирка. Но где найдешь стиральную машинку в школе? Придется делать вид, что все в порядке, это задумка дизайнера, и надеяться, что ткань высохнет в ближайшее время — отвратительно скукожившись, зато не клейко приставая к коже.

Голубая табличка, прикрепленная к высоким воротам с железными прутьями, гласила, что открываются они в половину восьмого утра по будням и в восемь по выходным. Сама гимназия выглядела обычно: белое трехэтажное здание, по периметру кусты со снежными шапками, скрывающими сухие ветви. Все до боли напоминало прежнюю школу, и надежды на перемены растворились в воздухе, как сигаретный дым. Раз внешнее сходство такое очевидное, значит, и с психологическим будет так же.

Первый этаж пришелся по душе — стены приятного светло-зеленого цвета, белый пол, огромная гардеробная напротив входа, возле которой столпились ученики, справа — доска с объявлениями, слева — пустующий пост охранника. Свет казался абсурдно-ужасным, как в низкобюджетном фильме ужасов — должно быть, из-за крошечной тьмы за окном, делающей его жестким и искусственным.

Нужно было пойти к секретарю — я понятия не имела даже, в какой класс зачислена, не говоря о расписании. Где находится нужный кабинет, я тоже не подозревала, и решила сначала сдать тяжелую верхнюю одежду, а по-

том спросить у какого-нибудь учителя, наверняка дежурившего по этажу.

Я практически дошла до гардероба, прежде чем поняла, что меня окружает гробовая тишина. А ведь буквально двадцать секунд назад в воздухе гудели десятки, если не сотни, тембров. Меня передернуло — слишком много народу. Тридцать пар глаз нового класса ничто по сравнению с этим. Чувство, что стоишь на сцене в концертном зале в свете софитов. Я не любила находиться в центре внимания, и меня едва не стошнило на месте — склизкие взгляды оценивали, любопытные.

Я уже начала думать, что хуже быть не может, но ошиблась — ситуация усугубилась, когда какая-то девушка прошептала:

— Это ты та самая новенькая в десятый?

Еще ни разу в жизни я не попадала в подобную ситуацию, а адаптироваться и импровизировать не умела, поэтому растерялась. В голову ничего не шло; чтобы не стоять, как рыба, выброшенная на берег, выпалила:

— Да, именно.

Какой-то парень закинул руку мне на плечо:

— Наконец-то, мы уж заждались! Хоть какое-то разнообразие! Я думал, до самого конца буду в одном классе с одними и теми же придурками. Ты же к нам, верно?

— Эм... я еще точно не...

Рядом возникла невысокая девушка с копной рыжих волос в конском хвосте и беспардонно схватила меня за запястье, просверлив парня злым взглядом:

— Заткнись, Гери! Она будет с лисами!

— С чего бы, Арлекин? — оскалился парень. — Эй, новенькая, ты же не думаешь пойти к хитромордым?

Я вообще не понимала, о чем толкуют эти странные люди, и чувствовала себя неуютно: во-первых, стоило мне зайти в школу, все повели себя так, будто восьмое

чудо света узрели. Во-вторых, почему эти двое говорят так, будто я должна сама выбрать, с кем учиться, при чем тут лисы и почему у них такие странные имена?

— Иди к волкам! — посоветовал кто-то. Я вопросительно вздернула бровь — куда?

— К лисам! — воспротивились с другой стороны коридора.

— К волкам!

— Лисы!

— Волки!

— Лисы!

— Волки!

Толпа словно разбилась на части: все кричали невпопад. Порыв самой гаркнуть так, чтобы все вокруг замолкли, нарастал. К счастью, кто-то сделал это за меня:

— Хватит надрываться, чайки недобитые!

Удивительно, но школьники тут же захлопнули рты. Я даже подумала, что сюда направляется учитель, но ошиблась — сквозь толпу пробивался парень в ученической форме.

— Она же не в курсе!

Народ стусевался, и парень вывалился на свободный участок пространства, тяжело дыша. Лицо его походило на лисью мордочку — черты такие же заостренные, но мягкие, а глаза миндалевидные, с хитрым блеском.

— Нарываешься, — прорычал Гери.

— Я? — театрально изумился парень. — Как ты вообще мог так подумать. За кого ты меня принимаешь?

Гери заскрипел зубами — будто дикий зверь готов в любую секунду рвануть вперед и перегрызть глотку.

— Раз ты такой тихий, дуй в туман.

Незнакомец усмехнулся:

— Сперва отпусти девушку. Запугал бедняжку до смерти.

Мы с Гери случайно переглянулись.

— Ты так в этом уверен? — вскинул бровь он. — Я вот что-то не замечаю.

— Я вижу то, что вижу, а значит, оно действительно есть. Эй, девонька, этот серый тебя напугал?

Гери развернувшееся действие окончательно доконало:

— Прикуси язык, лис, и, возможно, я не сломаю тебе челюсть.

«Лис» сделал несколько шагов вперед, улыбнувшись немного напряженно:

— На меня не действуют настоящие угрозы. А твои и вовсе пустые, — и скинул чужую руку с моего плеча.

Я кожей почувствовала вспыхнувшую ярость Гери и отошла в сторону, встав рядом с рыжей девушкой. Как оказалось, не зря.

Лицо Гери налилось краской, кулаки опасно сжались, он шагнул в сторону парня с фенечками и замахнулся. Тот сразу же отшатнулся:

— Воу-воу-воу, мрачный волк, полегче, давай без рукоприкладства! Не думаю, что твоя кровь на полу и стенах так эстетична, что...

Школьники застыли в ожидании драки. Они практически не дышали, подавшись вперед. Жадной зрелищ они напоминали римлян в Колизее. Казалось, вот-вот растянут губы в животных оскалах, обнажат клыки и призывно взвоят, требуя схватки.

Кулак Гери полетел вперед. Школьники возбужденно охнули, в воздухе зависло ликование. Однако его противник ловко уклонился и грациозно отскочил — оттанцевал — прочь. И хлопнул в ладоши:

— Промазал!

Атмосфера раскалилась до предела. Общий мандраж захватил и меня — стало интересно, чем же все закончится.

Гери высокий и очень сильный. Рядом с ним парень с фенечками кажется щуплым слабым воробьем подле сокола. А Гери распалился не на шутку — он двинулся на соперника. Тот хитро прищурился и принял неустойчивую позу, чтобы быстро метнуться в сторону в подходящий момент.

Совесьть умоляла встать между ними и остановить беспредел. Однако драке свершиться было не суждено и без моего участия — рыжая девушка молнией юркнула на «поле боя»:

— А ну-ка хватит, мы не на ринге! Если так хочется набить друг другу физиономии, сделаете это после занятий где-нибудь подальше отсюда!

Школьники выдохнули, на сей раз разочарованно. Огненный дух жажды крови испарился, словно его не существовало. Истинные звериные сущности вновь скрылись за человеческими ипостасями, приличными, выражающими полную готовность прийти на помощь. Парень с фенечками, похоже, ничуть не жалел о повороте событий в мирное русло. Он даже не шевельнулся, так и стоял с легкой улыбкой, будто ничего не произошло, а вот его противник кипел не хуже извергающегося вулкана. Он молча развернулся и, гаркнув на какого-то очкарика, нырнул в толпу школьников. Однако его черная макушка возвышалась над всеми, и его нелегко было отследить.

Рыжая, подождав, пока он скроется за углом и поднимется по лестнице на второй этаж, подбодрила:

— Чего стоите? Спектакль отменяется!

Школьники, недовольно шепча что-то себе под нос, медленно разбрелись по этажу. Некоторые сбивались в

группки, чтобы обсудить то, чему стали свидетелями, другие шли по своим делам. Все это время я, девушка и парень с фенечками наблюдали за распадом толпы на самостоятельные организмы.

— Это было грубо, — авторитетно заявила рыжая, когда мы остались одни у самого входа. Точнее, почти одни — временами мимо пробежали «поздние» ученики, задувающие в помещение уличный холод.

— А как по-другому? — пожал плечами «лис».

— Можно было бы и не провоцировать его. Если бы не я, вы бы точно друг друга покалечили.

Он вдруг потрепал ее по голове:

— Ну, ты же нас остановила. Умница!

Она нервно хихикнула, повернувшись ко мне:

— Вот что я получаю за его спасение — даже не «спасибо». Никакой благодарности.

— Она у меня специфическая.

Меня так и подмывало последовать примеру Гери — развернуться и уйти. Найти, наконец, кабинет секретаря и спокойно отправиться на урок. Хотя вряд ли «спокойно» — меня, косвенную причину чуть не начавшейся драки, едва ли забудут так просто. Наверняка назовут «яблоком раздора»...

Не успела я опомниться и вынырнуть из пучины безрадостных мыслей, как девушка хлопнула меня по плечу:

— Эй, а ты чего такая хмурая? Все же хорошо закончилось.

«Еще ничего не закончилось», — подумала я.

— Ни капли я не хмурая.

— Хмурая, хмурая, — протянула она. — Я Арлекин из лисов, это, — она указала на парня, приветливо помахавшего мне рукой, — Пак, он тоже лис.

Арлекин — как комедия дель арте? Пак — как дух из английского фольклора?

— Ия, — представилась я. Впервые в жизни собственное имя показалось тусклым.

— Нет, — хихикнул Пак. — У нас нет имен. Мы здесь носим прозвища. У тебя есть прозвище?

Да, народ в этой школе с приветом. То какие-то лисы, то волки, а теперь еще и отсутствие имен.

— Нет.

Арлекин щелкнула пальцами:

— Тогда надо его придумать! Сейчас я что-нибудь сгенерирую.

Она напряглась. Урок начинался через семь минут, а я по-прежнему понятия не имела, куда податься — подумала броситься наутек, но меня остановил Пак:

— Она мастер на прозвища. Ей одного взгляда хватит, чтобы определить, какое самое подходящее.

— Эврика! — щелкнула пальцами Арлекин. — Ты знакома со скандинавской мифологией?

— Примерно.

В детстве увлекалась с подачи бабушки, контакт с которой утратился много лет назад. Кажется, она поскандалила с родителями, и те запретили ей общаться со мной и братом. Не знаю, что с ней сейчас — ей бы уже исполнилось восемьдесят семь.

Арлекин расцвела:

— Ты будешь Хель! Помнишь, кто такая Хель?

— Дочь Локи, владычица мира мертвых.

— Мрачная Хель? — хмыкнул Пак. — Красноречиво.

Арлекин фыркнула:

— Решено! Тебе же нравится?

Мне, честно говоря, было не до выбора — прозвище никуда не убежит, а вот учителя ждать не любят. Зарекомендовать себя как безответственную ученицу, опаздывающую в первый же день, я не хотела, мне хватило

и засветиться перед школьниками. Поэтому я, лишь бы отделаться, кивнула:

— Вполне.

Она задохнулась от возмущения:

— И это все?!

Пак, едва сдерживая смех, выдавил:

— Ей просто нужен часок-другой, чтобы оценить твой шедевр в полной мере.

Внезапно раздалась громкая трель — судя по всему, звонок на занятия. Пак чертыхнулся:

— Сейчас же физика! Я побежал, всем пока! Очень приятно познакомиться, еще встретимся! — и, пожав мне руку на прощание, сорвался с места.

Арлекин, чуть ли не прыгнув на меня, сказала:

— Перестань корчить из себя зрителя кладбища. Ты в десятый класс, да? Я тоже в десятом! Ты определилась, к кому пойдешь? Ну, к нам или к серым?

Я стусевалась. Она несколько секунд смотрела на меня, а потом разочарованно вздохнула:

— А, так ты еще не знакома с нашими порядками... — однако жизнерадостность тут же к ней вернулась. — Пойдем со мной на физкультуру, буду тебя просвещать. Форму у учительницы возьмешь, у нас там целый шкаф запасной одежды, так что можешь умыкнуть что-нибудь на день. Шумахер какой-нибудь окатил?

Ага, местного разлива.

* * *

Гимназию я представляла как тюрьму: снаружи чистая, в лучшем свете, а внутри — выкрашенные в отвратительный болотно-зеленый цвет стены, вызывающие ассоциации с психиатрической лечебницей, узкие коридоры и облупившаяся штукатурка. Пространство у

входа должно было бы переубедить, но оно не показатель. Однако пока Арлекин вела меня к спортзалу, школа приятно поразила крупными окнами, белыми жалюзи, пропускающими солнечный свет, приглушенный серыми зимними тучами, ровным слоем краски на перилах. Образцово-показательно.

Пока я восхищалась ремонтом, Арлекин поясняла местные правила. При этом она одной рукой держала меня за запястье, что несколько раздражало, а другой бурно жестикулировала:

— В общем, у нас тут такая ситуация — все ученики разбиты на два... эм... ну, назовем это лагерями. На два лагеря — «лисы» и «волки». Учимся мы отдельно, но пересекаемся на переменах и спортивных мероприятиях. Изредка — на физкультуре, когда занятия совмещенные, но параллели не тренируются вместе: допускают только пара старший-младший. Если выбираешь лисов, становишься заклятым врагом волков, и наоборот. Лично я надеюсь, что ты пойдешь к нам, потому что волки — те еще скотины. Помнишь Гери? Вот они все такие — качки без чувства такта, и девушки у них им под стать. Так как ты у нас не с пятого класса, когда распределяет специальная комиссия, а с десятого, тебе предоставляется выбор. По этой схеме ты сразу должна погрузиться в школьную среду и решить, к кому пойдешь. Так как я первая твоя знакомая, будешь пока у нас, лисов, но ты имеешь право посещать и занятия волков. Лишь до того момента, как определишься! Кроме того, у нас нет имен — в стенах школы мы зовем друг друга по прозвищам. Так, что еще... ах да, сегодня у нас только физкультура и классный час.

Тараторила она с такой скоростью, что информация воспринималась с трудом, но основное я уловила и в очередной раз поразила тому, как необычно тут все

устроено. Хотя, может, это и к лучшему — кое-какое разнообразие. Миниатюрное приключение.

Мы поднялись на второй этаж, и на меня тут же уставилось не меньше десятка глаз. Стало неудобно, и я опустила голову. Арлекин не обращала внимания на сгустившуюся толпу и упрямо шла вперед, не отпуская мое запястье. Тут и там тихо перешептывались. К моему удивлению, она минула большую дверь и подошла к маленькой, находящейся рядом. Постучала несколько раз и просунула голову внутрь:

— Здравствуйте, можно?

— Конечно, — раздался в ответ молодой голос.

Арлекин поманила меня, и я покорно шагнула следом в небольшую, но уютную приемную. За длинным столом, заваленным бумагами и канцелярскими принадлежностями, женщина лет тридцати пяти в спортивной форме заполняла бланки.

— Извините за беспокойство, Марина. У нас новая ученица, — бойко отрапортовала Арлекин.

Учительница одарила меня теплой улыбкой:

— Поздравляю! Такая редкость, чтобы кто-то приходил в старшие классы. Тебе уже выбрали прозвище?

Я замялась, но быстро сориентировалась:

— Да. Хель.

— Красиво. Я Марина. У тебя есть форма, Хель?

Говорить с ней было легче, чем с учителями, с которыми я пересекалась прежде. Марина производила впечатление доброго человека, которому можно доверять. Про себя я тут же занесла ее в список тех, с кем можно поладить, сразу после Арлекин.

— Не знала, что сегодня тренировка. Прошу прощения.

В два шага преодолев разделяющее нас расстояние, она похлопала меня по плечу, отчего стало немного тошно:

— Не извиняйся, в первый день в этом нет ничего страшного, но в будущем постарайся не забывать. Пока я дам тебе комплект, позанимаешься в нем.

Я бы предпочла, чтобы Марина отпустила меня, а не стискивала словно в попытке не позволить мне сбежать. Я украдкой обернулась к Арлекин. Та подбодрила меня кивком.

Марина открыла дверь в углу кабинета, подтолкнув меня вперед. Внутри оказалось темно, пахло пылью и старыми вещами. Щелкнул выключатель, и в помещение выплеснулся искусственный свет одной-единственной лампочки. Пространства здесь было мало, едва поместятся двое, вдоль стен стояли стеллажи со всякой всячиной — мячами, скакалками, шашками, шахматами, воланчиками, ракетками для бадминтона и настольного тенниса, лентами для художественной гимнастики и прочими спортивными принадлежностями. Отдельную полку занимали аккуратные стопочки одежды.

— Какой у тебя размер? — деловито осведомилась учительница.

Я ответила. Она подцепила одну из стопок и вручила мне. От нее резко отдавало спортивной магнезией.

— Арлекин проводит тебя до раздевалки. Как прозвонит второй звонок, спускайтесь вниз.

Я уже практически кивнула, как услышала Арлекин:

— Совсем забыла. Хель на улице грязью окатили, не могли бы вы одолжить ей что-нибудь на день?

— Оставь себе спортивные штаны, — разрешила учительница. — Когда будешь на классном часе, поясни ситуацию руководителю, но не думаю, что возникнут проблемы. В крайнем случае, — она задорно подмигнула, — соврешь, что вообще не знала про форму.

— Да, конечно. Спасибо огромное, — чуть ли не поклонилась я.

— Спасибо, — и Арлекин снова беспардонно потащила меня куда-то. Возмущаться, судя по всему, не имело смысла.

Раздевалка находилась этажом выше. Пришлось подниматься по крутым ступенькам. Не будь перил — ходила бы с разбитым подбородком, так легко на них было споткнуться. Оранжевые стены исписали и изрисовали всем, чем можно — от простой ручки до масляных красок, на приземистых лавочках лежали разбросанные вещи, пол чуть вздымался, а законопаченные окна выглядывали на восток.

В нос ударил запах концентрированного пота с примесью дезодорантов, духов и блесков для губ. Арлекин скривилась, поспешно выудила из бокового кармана сумки какую-то колбочку, и по помещению развеялся приятный клубничный вкус.

— Вонь — единственная причина, по которой не люблю здесь зависать, — поведала девушка, без всякого стеснения скидывая футболку. — А так тут прикольно.

Я промышчала нечто утвердительное.

В прошлой школе в женской раздевалке я переодевалась в туалете, запираясь на щеколду. Одноклассницы не оставляли попыток довести меня до белого каления. Позже, когда они поняли, что выуживать меня из уборной без грубой силы бесполезно, начали биться в двери. Выходила я только после того, как они отправлялись на занятия, поэтому частенько опаздывала.

Здесь вместо туалета была закрытая дверь, поэтому спрятаться оказалось негде. К счастью, Арлекин болтала о чем-то, отвернувшись к окну, и явно не нуждалась в слушателе, поэтому у меня появилась возможность забиться в угол и там переодеться. К счастью, форма пришла в пору.

— Тебе нужны кроссовки. Какой размер? — спросила вдруг Арлекин, на цыпочках подтягиваясь к приближенной почти под потолком полке, на которой в ряд стояла обувь.

Я автоматически сказала.

— О, вижу, тут как раз есть! Лови!

Она подцепила за шнурки пару серых кроссовок, и те дугой прилетели аккурат мне под ноги.

Каким-то невообразимым образом мы успели зайти в спортзал еще до звонка.

В нашем старом зале совмещалось несколько классов — узкое пространство, в котором опасно даже выполнять норматив с «козлом», мало ли, подпрыгнешь слишком высоко и ударишься головой о потолок. В зале гимназии же поместилось бы три таких помещения из прежней школы. Пол расчерчен для спортивных игр, с определенным интервалом по периметру расставлены баскетбольные корзины. По правой стороне — скамейки, где ученики громко разговаривают друг с другом, пока не начался урок.

Как только мы с Арлекин приблизились к ним, они все как один посмотрели на меня. Заметив мою заминку, Арлекин дернула меня к себе, так что я приземлилась на скамейку рядом, и прикрикнула:

— Чего уставились?

Все тут же смущенно отвернулись и принялись переговариваться, но уже ощутимо тише и, очевидно, на тему незнамо откуда объявившейся новенькой.

— Не волнуйся. Они быстро привыкнут, если дашь им шанс и не уйдешь к волкам.

Я промолчала. Трудно выбирать, зная о школе только ее базовое устройство, да еще и когда находишься в незнакомой среде один день. Раз здесь такая странная организация обучения и существования, должно быть

множество мелких нюансов, которые необходимо учитывать при принятии решения. Арлекин пояснила основы, но их недостаточно для того, чтобы судить объективно, кто лучше — лисы или волки. Да и отличаются ли одни от других? Есть ли смысл в разделении?

Пожалуй, стоит узнать, по какому принципу пятиклассников распределяют по «лагерям», проанализировать собственные способности и сравнить их с существующими требованиями. Я уже хотела задать вопрос Арлекин, но раздался громкий свисток, и в зал вошла учительница.

— Ста-а-ановись! — скомандовала она, и школьники тут же гурьбой засемили к прочерченной на полу белой линии и принялись выстраиваться в линейку, пихая друг друга и подшучивая. Арлекин даром времени не теряла — расчистила местечко для нас обеих, взглядом приструнив двух возникших было красавиц.

— Здравствуйте, — приветливо произнесла Марина.

— Здра-а-асте! — хором выкрикнули ученики. Под потолком прокатилось эхо.

— Вы, наверное, уже знаете, что у нас появилась новенькая. — Она с улыбкой посмотрела на меня. Я рефлекторно выпрямила спину и расправила плечи. — Ее зовут Хель. — Как непривычно, но интересно звучит. — Этот урок она проведет с вами и, быть может, вы переманите ее на свою сторону, лисята. Не задирайте девочку. Сегодня мы проведем разминку, сделаем стандартные упражнения, а потом поиграем в вышибалы.

Одноклассники восторженно взвыли. Похоже, вышибалы здесь — любимая игра. В старой школе болели баскетболом.

— А сейчас — на-а-аправо, шагом марш!

Все дружно исполнили приказ. Я не успела среагировать, и меня повернула Арлекин, крепко сжав плечи, и она же подтолкнула вперед.

Шеренга прошла вдоль стены примерно ползала, прежде чем Марина дала задание:

— Бегом, пятнадцать кругов!

Красные пятна перед глазами поплыли от одной лишь команды. Никогда не отличалась развитой физической формой; могла похвастать только растяжкой, оставшейся с эпохи занятий танцами, и умением обращаться со скакалкой. Бегать ненавидела всеми фибрами души, даже больше, чем отжиматься — кислорода не хватало, начинало колотить в боку, ноги ныли, и на следующее утро я не в состоянии была встать с постели, а затем бегать туда-сюда по ступенькам в школе, вверх и вниз, вниз и вверх, и так до бесконечности.

Я бы допустила пятнадцать кругов в старом зале, хотя тогда мне и десять по нему казались испытанием. Но здесь...

Арлекин, заметившая мой ужас, попыталась утешить:

— Не бойся, беги медленно. Марина следит, чтобы дистанцию пробежали те, кто в передней части ряда, до остальных ей дела нет. Они закончат — закончат и остальные. Но лучше не останавливаться, а то получишь штрафной, и тут она с тебя глаз не спустит.

Завершив свою маленькую предупреждающую речь, она кинулась вперед. Меня никто не ждал, и я вяло поплелась в конце, честно стараясь переставлять ноги. На танцах учили правильно дышать, но я давно забыла, как это делается, и отстала круга на полтора: тело потяжелело, в глубине легких зародился огонь. Пока еще жалкий уголек, норовящий разрастись до пожара — и это невзирая на то, что я практически шла пешком.

Вокруг хихикали и перешептывались — разумеется, я принимала это на свой счет. К щекам прилил жар. Это, впрочем, еще ничего. Могло быть и хуже. Марина могла бы ждать, пока норматив выполнят все. Я бы до фи-

ниша доползла только к концу урока. Когда она крикнула «Стоп! Шагом!», я, взмокшая, с языком на плече, наматывала седьмой круг. Еще чуть-чуть, и пол принял бы меня в свои плоские жесткие объятия. К счастью, прискакавшая Арлекин — раскрасневшаяся, с растрепавшимися локонами — поддержала меня.

— Как себя чувствуешь? — весело поинтересовалась она.

— Будто слоны растоптали, — прохрипела я.

— Сколько кругов?

— Семь.

— Все пятнадцать, — подмигнула она. — Хотя, дай мне фору, получилось бы и больше. А ты молодец, ничего так, живая вроде.

Это было не пустое бахвальство, у нее бы действительно получилось. Бежала она быстро и легко, словно летела, дышала ровно и смотрела только вперед — ей это нравилось. Поэтому я поинтересовалась:

— Ты занимаешься спортом?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет, к сожалению, но выхожу на пробежку по утрам, до школы.

Какой нормальный человек променяет лишний час сна на необязательную тренировку?

Марина хлопнула в ладоши:

— Умницы! Встаем в круг, начинаем разминку. Стокер, вперед.

Я облегченно вздохнула. Значит, Марина не из тех, кто проверяет способности новеньких по полной программе на первом же занятии. Какая удача!

В центр круга вышел невысокий парнишка, настолько худой, что, казалось, вот-вот растворится в эфире, и флегматично сообщил:

— Начнем с шеи.

Под мерное «раз, два, три, четыре» прошло минут пять. Разминку парнишка проводил с толком, с чувством, с расстановкой и предложил столько вариантов упражнений, что даже я взяла парочку на заметку, чтобы расслабить плечевые суставы после рисования. За эти пять минут удалось немного передохнуть. Правда, после этого я ощутила, что больше не заставлю себя и пальцем шевельнуть. Однако не особо расстроилась — вышибалы мне никогда не нравились. Гораздо больше удовольствия получишь, наблюдая за ходом игры со стороны.

— Разбиваемся на команды! Чтобы было поровну, кто-то один должен сесть.

Я с готовностью вскинула руку.

— Уверена? — усомнилась учительница. — А то показала бы, на что способна.

— Мне не очень хочется, правда.

Одноклассники зашелестели уважительным: «Да она нормальная, нет?» Вот, считай, убила двух зайцев разом — и перенапряжение не заработаю, и коллектив к себе расположу.

Весьма кстати зал на две половины разбивала белая линия; одну заняла первая команда, другую — вторая. Марина подкинула мяч.

Не знаю, существуют ли соревнования по вышибалам, но если да — эти ребята одержали бы на них победу. За мячом было не уследить: он молниеносно летал из одного угла зала в другой, и вскоре я потеряла нить происходящего — кто-то «уходил в плен», кто-то возвращался, кого-то сбивали. На мгновение показалось, что класс не такой уж и плохой — вроде бы дружные, а то, что меня не принимают — не проблема. Совершенно неудивительно: люди не любят, когда устоявшийся порядок неожиданно нарушает что-то незваное, и стара-

ются подавить нарушителя спокойствия, дабы вернуть все в прежнее русло.

Иногда Арлекин, отвлекаясь, махала мне рукой.

Марина стояла возле окна и периодически дула в свисток. Звук изводил визгливостью, поэтому я сразу заметила, когда он прекратился. Игроки не обратили на это внимания, а я автоматически принялась искать учительницу. Она обнаружилась у больших дверей, беседующей с каким-то парнем. Он явно еще учился в школе, скорее всего, в одиннадцатом и, судя по довольному выражению лица Марины, претендовал на статус ее фаворита. Высокий, сильный, так и представлялся в баскетбольной форме.

Я засмотрелась, однако вопли «лисов» услышала. Резко обернулась и поняла, что мяч устремился в сторону Марины — если достигнет цели, попадет ей прямо в голову.

Признаться, я сама не очень поняла, что собралась делать. Кто-то будто пихнул меня в спину, и я неожиданно для себя самой рыбкой кинулась вперед. Как раз в тот момент, когда снаряд летел мимо. Руки схватили его в воздухе, я упала и по инерции прокатилась по полу. Ладони закололо и, похоже, я отбила правое бедро, на которое неудачно приземлилась. Но сильнее всего болело плечо.

Одноклассники засуетились.

— Все нормально, — механически простонала я, с трудом поднимаясь. Боль постепенно отступала, и это позволяло предположить, что обошлось без травм.

— Вот это перехват! — воскликнул какой-то парень. — Новенькая, ну ты даешь! Пасани!

Я огляделась. Перевела взгляд на Арлекин.

— Это был очень хороший перехват, — похвалила Марина.

Я не была в этом столь уверена, и все же зашла в зону команды, на половине зала которой оказалась, и кинула мяч.

* * *

Из здания школы я буквально вывалилась. Точнее, меня вынес наружу поток счастливых школьников, радующихся тому, что учеба, наконец, закончилась. Они громко переговаривались, строили планы на следующие три месяца и искали, где бы отпраздновать долгожданную встречу с одноклассниками. То, что они действительно скучали друг по другу во время каникул, меня по-настоящему поразило. В старой школе никто ни о ком не тосковал — были, разумеется, те, кто общался между собой, но особых всплесков эмоций мне наблюдать не доводилось.

Разумеется, на меня всеобщее дружелюбие пока не распространялось. «Пока» — потому что не составляло труда понять, что при сложившихся обстоятельствах меня примут, дабы не порождать лишние конфликты, и будут относиться если не тепло, то нейтрально. Одноклассники не будут воротить носы, демонстрируя, что я — пустое место и совсем им не нужна. Скорее, они попросят о помощи, если та понадобится, а в остальное время будут либо не замечать, либо ограничиваться приветствиями. Если повезет, удастся установить с кем-то контакт. Хотя я бы и без него чувствовала себя вполне комфортно: когда ты просто существуешь и тебя никто не трогает — не это ли счастье?

Также не могло не вдохновлять и то, что, кажется, мне удалось расположить к себе новый класс, пусть и довольно нестандартным способом. Я-то думала, если и нравиться кому-то, пусть и на уровне «ох, а это мо-

жет пригодиться», то благодаря уму и эрудиции, а оказалось, есть и другой путь.

Вставая на позицию в принявшей меня команде, я нервничала — во-первых, мои умения в игре ограничивались исключительно уклонами от летящего снаряда; во-вторых, я быстро выдыхалась; в-третьих, чувствовала себя неуютно среди незнакомых людей. Казалось, в самый ответственный момент ноги подкосятся, и игра закончится. Из-за меня.

К счастью, раньше мне уже доводилось играть в вышибалы; нужные движения и правила вспомнились мгновенно, я быстро втянулась и даже получила пару одобрительных хлопков по плечу.

После физкультуры Арлекин показала дорогу к классу на третьем этаже. Удивительно, но и здесь все было на высшем уровне — персиковые стены, коричневый пол, тщательно вымытый и еще немного влажный. В конце коридора стояли мягкие диванчики — перед ними играли в «ножки» пятиклашки.

Сам класс, куда меня привела Арлекин, был до неприличия крупным — в каждом из трех рядов по десять парт, рассчитанных на двоих. Напротив учительского стола, заваленного бумагами, можно было увидеть ряд прозрачных шкафов, за чьими стеклами — глиняные фигуры, бюсты, энциклопедии по животному и подводному миру, пучки сухих листьев. Биологический кабинет: бюсты принадлежали неандертальцам, а фигурки изображали кроманьонцев. Подоконники и полки заставляли цветы, и к горшку каждого прикреплялась бумажка с названием на латыни и кратким описанием.

Я уже пошла к последней парте, заметив, что основная масса народа рвется к передней части — абсурдно после извечной войны за задние места в прошлой шко-

ле, — но Арлекин развернула меня за плечи и посадила рядом с собой.

Руководительница оказалась весьма милой женщиной лет шестидесяти. Поздоровалась с подопечными, осведомилась, как те провели каникулы, неторопливо зачитала правила техники безопасности и только под конец представила всем меня. Кто-то приветливо помахал рукой, другие легко улыбнулись и кивнули, и только несколько человек пренебрежительно уставились в пустоту — не потому, что затаили злобу или неприязнь, но потому, что их в целом ничего не интриговало.

Необходимые учебники лежали на краю парты — старые, потрепанные, у некоторых отрывалась обложка; зато от них шел умопомрачительный запах бумаги, краски, ниток и знаний. Портфель с ними уподобился пузырю. Книги в него еле удалось запихнуть, да и так корешок учебника по химии торчал сбоку. За него я волновалась больше всего — вдруг пойдет снег и намочит его?

Двор заполняли школьники, поэтому я оперативно сбежала по ступенькам вниз. Слава богам, мне хватило ума оставить карту города в кармане куртки, так что никуда лезть не пришлось.

Итак, я в пятом районе, нужно попасть в седьмой. Идти направо, через главные ворота...

Не успела я сделать и пару шагов, как услышала чей-то оклик:

— Эй! Подожди!

Казалось, окликают меня, но я здесь никого не знала, кроме Арлекин и того странного парня-лиса из одиннадцатого, а голос не принадлежал никому из них. Поэтому я с чистой совестью продолжила изучать карту, двигаясь к воротам и надеясь, что не собью никого и никто не собьет меня.

— Да стой же!

На плечо опустилась тяжелая рука. От неожиданности я вздрогнула и отшатнулась. Портфель перевернулся, и я опасно накренилась, однако столкновения не случилось: меня подхватили, как котенка — за лямку сумки.

— Прости, что напугал. Ты, видимо, не поняла, что я тебя звал.

Глаза поднимать было жутко стыдно, но я преодолела себя. Рядом стоял гипотетический любимый ученик Марины.

Смотрел он страшно. Прямо и хищно, так что плечи сами собой передернулись, и пришлось замаскировать это под зябкое поеживание от порыва ветра. Стой мы не посреди школьного двора, а в подворотне, я была бы уверена, что он намерен меня убить. Не хватало только ножа.

— Тебя как зовут? — грубовато спросил он.

— И... то есть Хель.

Он протянул мне руку:

— Изенгрин, одиннадцатый класс, волк. Именно так у нас принято представляться, в таком порядке. На будущее.

Я не рискнула игнорировать рукопожатие:

— Приму к сведению. Хель, десятый класс... э-э-э... не определено?

— Ты сегодня занималась с лисами?

И чем я обязана такому вниманию?

— Понравилось?

Что на это отвечать? Скажу «хорошо», он обидится, а о последствиях думать не хочется; если «плохо» — меня начнут разрывать между двумя «лагерями», а это перспектива не лестная.

— М-м-м... нормально.

— Ты могла бы попробовать позаниматься с волками. Немного другая политика ведения уроков, полезно бы было сравнить, не думаешь?

— Да, наверное, так.

Молчание длилось несколько секунд. Кажется, парень со странным прозвищем сам не знал, что ему делать:

— Я видел, как ты играешь. Весьма неплохо. Волкам из десятого не помешал бы такой участник. Так что, если мы тебе больше лисов приглянемся, место в команде тебе обеспечено.

— Спасибо, учту.

Как продолжать это подобие разговора? Я созерцала снег, с трудом сдерживая желание начертить на нем что-то мыском сапога, и лелеяла надежду скорее вернуться домой. Почему-то не оставляло ощущение, будто шею стягивает кожаный ошейник с шипами внутрь. Однако, несмотря на затянувшуюся тишину, отпускать меня не хотели:

— У тебя карта. Ты же из другого города? Не знаешь, как дойти до дома? Хочешь, провожу? Только корпус скажи.

Предложение, как ни крути, неожиданное. Обманщиком он не выглядел, зато смутный горько-сладкий запах опасности витал в воздухе, и именно он не позволял ему довериться. Пришлось включать логику — сейчас день; пасмурный, но яркий, маньяки в такое время не работают. Если отказаться от помощи, велик риск плутания по городу, а это удовольствие сомнительное — можно окончательно замерзнуть за час-полтора. Так что...

— Буду благодарна, спасибо. Корпус семьсот третий.

От Изенгринна, если я правильно запомнила его прозвище, можно было ожидать что угодно. Но он не взял

меня под локоть, не закинул руку мне на плечо, обойдясь без физического взаимодействия. Это располагало.

Мы уже дошли до книжного магазина метрах в ста от школы, когда он предложил:

- Давай свой портфель.
- Зачем? У тебя у самого сумка тяжелая.
- Тут идти недолго.
- Хозяин — барин...

Я стряхнула сумку, едва удержав — Изенгрин принял ее за секунду до того, как она встретилась со слякотью на асфальте. При этом сложилось впечатление, будто двойной вес его ничуть не тревожил. Я, в свою очередь, словно встала на место Атланта, сбросившего с хребта небесный свод, чтобы добыть яблоки Гесперид.

Изенгрин изредка бросал «влево» или «прямо», а я старалась запоминать дорогу — повторно меня вряд ли кто домой поведет. К концу прогулки он уже не казался столь страшным. Вел по людным улицам, даже не смотрел в мою сторону — держись он чуть поодаль, производил бы впечатление телохранителя.

Углубившись в собственные мысли, я вспомнила, что даже не подозреваю, по какому принципу учащихся распределяют по «лагерям». Арлекин в подробности не углублялась, а любопытство грызло изнутри.

- М-м-м... прости... Можно уточнить кое-что?

Волк словно вынырнул из собственного внутреннего мира:

- Да, конечно.

— Как детей распределяют по группам? Имею в виду, чтобы попасть, например, к лисам, они должны обладать одними особыми качествами или талантами, а чтобы к волкам — другими?..

— Да, — подтвердил он. — Разница не то чтобы разительная, но есть. Если придумывать какое-нибудь

поэтичное сравнение, волки — практики, лисы — теоретики, или волки — солдаты, лисы — стратеги и тактики. Среди нас, учеников, распространено такое толкование: волки — прямолинейные вояки, лисы — хитроумные лжецы. Не слишком лестно, но суть отражает. Не знаю, зачем эту систему с двумя группами создали, но это мотивирует — желаешь победить оппонента, совершенствуешься. У нас фокус на физкультуру, физику, математику и биологию, а у лисов — на литературу, языки, химию, историю. Можно утрировать, мы технари, а они гуманитарии, но это не совсем верно. Как ни грустно это признавать, в спортивных состязаниях побеждают чаще лисы — используют уловки, вроде бы нарушающие правила, но в то же время им и соответствующие. Обнаруживают лазейки. Когда зачисляют ребят в пятый класс, комиссия судит не только по оценкам, но и по чертам характера — например, к нам чаще попадают рассудительные ребята со склонностью к точным наукам и искренней верой в то, что, если идти напролом, все получится. А вот у лисов дети любят искать подтексты в литературных произведениях и проводить психологические эксперименты.

— Психологические эксперименты?

— Прочитают про обманщика и тут же начинают испытывать его трюки на ком-нибудь. Кстати, у них фокусников много, на конкурсе талантов всегда что-нибудь показывают.

У них еще и конкурсы проводятся! В старой школе ставили спектакли только в честь Нового года, Дня Победы, Восьмого марта и последнего звонка, и сделано все было из рук вон плохо, смотреть тошно — ведь из-под палки.

— А у вас кого много? — полюбопытствовала я.

— Если именно в конкурсе талантов — танцевальных команд и акробатов. Кстати, скоро будет еще один — посмотришь, кто на что способен. Придешь?

— Обязательно.

До конца пути мы не обмолвились ни словом. У подъезда Изенгрин вручил мне портфель, наказал обращаться к нему, если захочу побывать на уроке у волков, дежурно произнес «рад был познакомиться» и ушел. У меня словно гора с плеч свалилась — его присутствие истощало. Будто тебя норовят морально подавить.

На площадке перед входной дверью как назло вырубил свет. В квартире звенела тишина — мама наверняка отправилась испытывать местный салон красоты, брат на первом занятии по плаванию, отец на работе, а я... А я собиралась заняться личными делами. Для обеда было еще рано, поэтому я отправилась в комнату. Заперлась на щеколду, скинула тяжелую одежду, сменив ее на домашнее платье, взяла лист бумаги с ручкой и закрыла глаза. Под веками заплясали вспышки; сознание померкло.

Через неопределенный промежуток времени я словно вынырнула на поверхность из-под ледяной воды. Часы остановились на пяти вечера. За дверью шуршал телевизор, пел брат, болтала по телефону мать. Пальцы затекли, несколько листов были исписаны вдоль и поперек, на ладонях красовались следы черной пасты.

Рассказ, выданный подсознанием, я решила прочитать потом. Сейчас неплохо бы было сесть за уроки, чтобы лечь спать не слишком поздно. Мало ли какая история ждет ночью.

* * *

К моему ликованию, после стирки на брюках не осталось ни пятна грязи. Для полного счастья оставалось только подшить пиджак и избавиться от отвратитель-

ных лент на блузке. Пришили их мастерски: отрежешь или оторвешь — испортишь вещь целиком. Случайное наблюдение за ученицами продемонстрировало, что они делают из ужасных лент банты — этот вариант по душе мне не пришелся. Однако до конца недели необходимо было срочно что-то придумать. Обладай я способностями к рукоделию, создала бы цветок на манер розы в петлице, но природа меня сим талантом обделила. В итоге за десять минут я выучилась из пары лент завязывать лишь сносный галстук.

Теперь я почти не волновалась. И дня в гимназии, даже меньше, хватило с лихвой, чтобы понять — здесь издевок не предвидится. Если бы хотели, уже бы засмеяли. Самое ужасное позади.

Осталось не ударить в грязь лицом в будущем. Ближайшие три месяца предстоит создавать себе репутацию, и желательно положительную.

Кое-как завязав волосы в хвост, я принялась собирать портфель. Распечатанное расписание уроков висело над кроватью между плакатами двух моих любимых групп, и это существенно облегчало жизнь. С кухни доносились вопли младшего брата и звон посуды. Я была уже полностью собрана и располагала примерно пятью минутами, прежде чем мама позовет завтракать. Выходить раньше не хотелось — больно надо наблюдать за очередной истерикой, суетой и ничего не выражающим лицом отца, уткнувшегося в очередную газету.

Вчера прочитать рассказ не довелось: было много срочных дел — и брюки постирать вручную (не было охоты сталкиваться с родственниками у стиральной машины), разобрать коробку с вещами, протереть пыль, погладить форму...

Мой почерк, когда я пишу по собственной воле, отличается от того, когда я падаю в пропасть небытия.

Первый — округлый, широкий, с приземистыми буквами; второй похож на лес из копий с насаженными на них головами — резкий, острый, словно ошестинившийся, поэтому при разборе накопившихся бумаг легко определить, школьный ли это конспект или плод моей фантазии, даже не вчитываясь в строки.

Я откинулась спиной на подушку.

Многие считают, будто боги создали мир, даровали жизнь людям и взяли их под свое крыло, за защиту и благополучие требуя жертвы, уважение и почет. На деле же они появились одновременно с миром из пустоты, в миг, когда раздался Великий Гром, знаменующий рождение реальности — переливающейся цветами, поющей несчетным количеством звуков и голосов, из недр извергающей свет и тьму. В ней нашло место все — от священной любви до жгучей ненависти, от прозрачных льдов до раскаленной лавы, от жизни до смерти. Боги обрели сознание, когда твердь стонала, претерпевая метаморфозы, жуткие и прекрасные, формировала взмывающие в небеса горы и принимала глубоко в себя тяжелые моря и океаны. Они не могли ни двигаться, ни говорить, но наблюдали за тем, как создается их новый дом, и тысячами ждали поры спуститься туда, проникаясь к нему все большей любовью и грезой тем, как коснутся прорастающей зеленой травы, поймут ветер. Они учились думать и ценить то, что им даровано, еще до того, как это получают.

И однажды боги обрели плоть. Они и сами не поняли, как это произошло — никогда доселе не терявшие связь с реальностью, словно заснули, исчезли из бытия, а затем поняли, что снова видят, но уже не зеленые просторы, а голубую высь и облака. Под ними прорастали луга, шевелились насекомые, где-то далеко внизу рыли свои норы кроты, но, что самое удивительное — они ощущали это.

Каждый из них имел индивидуальный облик. Кто-то обнаружил сходство с грозным медведем, кто-то — с волком, со змеей, лосем или лисой. Однако они отличали собратьев-богов от простых животных — по силе, исходящей от них.

Они никогда не встречали того, кто подарил им дом и жизнь, но чувствовали Его частицу в глубине себя, и благодаря ей понимали, что нужно делать: быть хранителями этого мира, сохранять его красоту. В их жилах текла могущественная кровь, позволяющая дотла сжечь лес или поднять в небеса океан, и ее необходимо было контролировать, — и потому они избегали ссор.

Обитали на свете и люди. Боги интересовались ими — в отличие от животных, они постигали Вселенную, мастерили одежду, оружие, костер и множество других вещей. И лишь они боялись и уважали богов, задабривали их подношениями и жертвами, просили о дожде и плодотворном лете. Иногда боги исполняли молитвы, а взамен получали бурную благодарность. Это их изумляло и тешило — животные играли с ними, как с равными, и они услаждались чужими благоговением и ужасом.

Искра неведомого Создателя, скрывающегося за пологом бытия, провозглашала, что предназначение богов неразрывно связано с людьми, и они верили той беззаветно. Стали не только стражами, но и путеводными нитями человечества. Чтобы не терять контакт с подопечными, научились принимать их облик и освоили их речь. Люди знали, что они часто захаживают к ним в дома: гостеприимных хозяев озарят удачей, а на скверных обрушат несчастья. Поэтому всякого гостя встречали хлебом-солью, давали попариться в бане, сытно кормили и укладывали спать.

Однако не вечно было править зверям-богам. Твердь менялась, и рождались новые боги — о человеческой ипоста-

си. Сначала они вершили лишь незатейливые чудеса, которые ни в какое сравнение не шли с мощью изначальных богов, но вера людей в них все росла, а вместе с ней — и их сила. Вскоре изначальные были забыты, и их место заняли боги-люди...

— Ия! Завтракать!

Я с некоторым удивлением отложила листы в сторону. Да это не рассказ даже. Ни сюжета, ни персонажей как таковых. Скорее, какая-то легенда или предание. Раньше мое подсознание такого ни разу не выдавало. Может, дальше пойдет как обычно? Хотя непохоже, всего-то страница осталась...

Тем не менее мне это показалось цепляющим, и я пообещала обязательно закончить чтение после школы. Сегодня предстояли совершенно обычные шесть уроков.

Я кинула портфель в коридоре и зашла на кухню, где опять истошно вопил брат. Так и хотелось рявкнуть: «Да заткнись ты!», — но тогда получила бы нагоняй от матери, радевшей за наши дружественные отношения. Для меня дружественные отношения с братом равнялись взаимному игнорированию. Нарываться на очередную лекцию или, чего хуже, скандал не хотелось, тем более с утра пораньше, поэтому я вяло взяла ложку и впихнула в себя кашу.

Брат играл с вилкой, измазанной в овсянке. Я сидела рядом и несколько беспокоилась, как бы жидкая масса не прилетела мне на одежду.

— Пап, ты меня довезешь? — спросила я, вытирая рот висящим на спинке стула полотенцем.

— Сегодня нужно быть раньше на работе, — спустя секунду ответил отец. — Пока заброшу тебя в школу, опоздаю.

— А я опоздаю, если пойду пешком. Да ладно тебе, чуть поднажмешь, проскочишь кое-где на красный, и все будет чики-дрики.

— Ия! — укоризненно надула губы мать. — Что за выражения! Ты культурная девушка, говори как подобает, а не как оборванка из неблагополучной семьи!

— Как пожелаете, маменька.

— Убери из обихода саркастичность, — отчеканил отец, отложив газету в сторону. — Приличные люди не говорят с родителями в таком тоне.

Я с улыбкой развела руки в стороны:

— Посмотри на меня. Сарказм и язвительность — все, что мне остается использовать.

— Мы на тебя не нападаем, и с нами ты можешь от этого избавиться. Проявляй элементарное уважение.

И он с очевидным подтекстом вновь раскрыл свою газету.

— Так отвезешь или нет? — уточнила я.

Мама всплеснула руками, папа шумно втянул воздух. Брат захохотал, предчувствуя веселье:

— Ийке щас влетит!

И почему ему разрешено говорить, как «оборванец из неблагополучной семьи» с этими его «щас», а от меня требуют высокопарных фраз и выдержки королевы Британии?

— Пойдешь сама, — процедил отец. — Прогуляться тебе не помешает. И, думаю, стоит отобрать у тебя компьютер. Верно, дорогая?

Мама покорно поддакнула и засеменила ко мне в комнату.

Все равно он без дела пылится.

— Ладно, — пожалала плечами я, отправляя грязную посуду в мойку. — Когда принесу приглашение от учителя в школу за опоздание во второй учебный день, даже не ду-

майте на меня кричать. Вина в этом будет исключительно ваша. Вы в курсе, как я ненавижу приходить не вовремя.

Перед тем, как выйти из кухни, я успела заметить, как побагровел отец. Пожалуй, вечером стоит запереться на замок и не выходить из комнаты, пока родители с братом не уснут.

Мама, как раз уносящая мой компьютер в свою спальню, недоуменно посмотрела на отца, судорожно сжимающего газету. Он явно готов был кинуть ее мне в спину, но лишь впечатал в поверхность стола. Младший брат притих. Выходила я, сопровождаемая тишиной, но едва за мной хлопнула дверь, в коридоре раздались отзвуки бури, происходящей в квартире.

«Не говори как оборванка из неблагополучной семьи»... ага, как же.

Лифт я решила не ждать. В новом доме они были не только грязные, изрисованные граффити, исцарапанные простыми надписями-ножницами вроде «тут был Петя», «а я Вася», пропахшие мочой, химией и чем-то тухлым, но и до неприличия медлительные. Лестницы тут, впрочем, немногим отличались. Освещение не работало, так что после наступления темноты приходилось двигаться на ощупь. Тем не менее это лучше, чем стоять в тесной кабинке, зажимая нос и невольно зачитывая похабные каракули на стенах.

Погода стояла воистину зимняя: солнце сияло, снег мерцал, так что не поднять веки. Пришлось натянуть шапку до самых ресниц, но и это не особо помогло. Не успела я оправиться от светового удара, как почувствовала самый что ни на есть настоящий в спину. Только руками взмахнула в попытке ухватиться за что-то, прежде чем со всей дури приложилась бы об асфальт. Дыхание выбило из легких, руки обожгли болезненные искры как от сотни впившихся в кожу иголок.

— Эй, ты в порядке? — спохватились знакомым тоном.

Я поднялась, отряхнув колени, к которым, к счастью, лишь слегка прилипли мелкие снежинки — спасибо дворнику, дочиста очистившему дорожку. Ладоням не так повезло — их испещрили кровоточащие царапины, неприятно покалывающие.

— Кто ж так вылетает-то, — раздосадованно выплюнула я — и застыла. Передо мной стоял всклокоченный Пак, чуть наклонившийся ко мне, видимо, чтобы поймать, если упаду еще раз.

— Хель?! — опередил меня он в своем изумлении. — Ты что тут делаешь?

— Живу. А ты?

— Тоже. Ты когда сюда переехала, что я тебя не видел ни разу?

— За пару дней до каникул.

— Я как раз в эти дни к бабушке в другой город уезжал. А мог бы вас встретить как следует, экскурсию провести...

Да какую экскурсию здесь можно проводить? Город маленький, достопримечательностей не имеет, кроме разве что главной площади с фонтаном, на котором, по словам Арлекин, летом веселятся все, кому не лень, ведь в нем позволительно плавать. Какую новую информацию Пак мог предложить? Сколько детей в год в среднем качается на качелях во дворе и сколько — на карусели?

— Ничего страшного, — отмахнулась я. — Разобрались и так.

— Я рад. Если возникнут вопросы, обращайся сразу же, я тут с рождения живу, знаю все и обо всех. — Он заговорщически подмигнул. — В ближайших корпусах ваш слуга известен как первый информатор.

Даже местные криминальные авторитеты чуть что ко мне бегут.

Так и подмывало съехидничать: «А криминальные авторитеты тут от скуки не погасли?», — но вместо этого я театрально поразила:

— Неужели?

Он гордо положил ладонь на сердце:

— Именно так. Ни слова лжи.

— Обычно, когда люди уверяют, что не лгут, и делают так, — я повторила его жест, — они говорят неправду.

Пак расплылся в широкой улыбке и беспардонно закинул руку мне на плечо:

— Так и знал, что у нас будет, о чем поболтать. Ты мне нравишься, у тебя явно хорошее чутье. И вкус. Хотя, — он хохотнул, — по одежке этого не скажешь...

Я вспыхнула, раздраженно отпихнув его:

— И без тебя ясно, что не так с моей одеждой! Не тебе мой вкус оценивать!

Пак слегка ошарашенно капитулировал:

— Не взрывайся так, я же просто невинно тебя поддел. Обидел? Извини, правда не хотел. Ты как до школы добираться будешь? На автобусе?

Я насупилась. Разговаривать с ним не особо хотелось, поэтому пошла прочь, бросив:

— Пешком.

Он присвистнул:

— Так это же уйма времени.

— А сам-то ты как едешь?

— У-у-у, не сверкай так глазами, страшно. Не зря тебе Арлекин прозвище Хель дала, у нее, говорят, тоже взгляд был, до самых костей пробирающий. А я на машине.

Он одним движением достал из кармана ключи.

— Это как?

— Мне есть восемнадцать — и права. Подвезти? Не думаю, что ты хочешь опаздывать.

— С чего бы ты это взял?

— Да все в тебе буквально кричит, насколько ты любишь следовать правилам. Хвостик этот аккуратный, каменное выражение лица, строгий взгляд. Ты ответственная и пунктуальная — другие люди безалаберные. Вот я, например. Я люблю опаздывать. Что может быть лучше трепки от учителя с утра пораньше? Так что если сейчас пойдешь прочь, я буду кататься по городу. Если согласишься составить мне компанию, я не буду перечить твоим принципам и подкину тебя до школы, да и сам, поддавшись влиянию твоей ауры «девочки-я-люблю-правила-и-систему», обрадую биологичку своим присутствием. Ну — обоих подвести или обоих вытащить?

Шантажист, надо же.

— Ладно. Поехали.

— Как будто одолжение делаешь, а благодарить должна!

— Сам предложил.

Его машиной оказалась старая «Волга» с кое-где облупившейся краской, показавшаяся мне вдруг абсолютно родной. Когда-то давно дед возил меня на такой же — воспоминания об этом почти стерлись, но приятный сладкий осадок ушедшего детства остался. Сейчас таких автомобилей не найдешь. Но здесь это совершенно естественно — город явно давно не знал обновлений.

В салоне пахло цветами, и он довольно быстро прогрелся для старой машины, так что я расслабилась в чуть жестком тепле. Пак отпустил пару шуточек по это-

му поводу, я вяло отбилась — устраивать словесные поединки сейчас было бы кошунственно.

Пока мы ехали, я едва не уснула — еще не отошла от привычки в каникулы вставать на пару часов позже, и Паку пришлось меня растормошить. Сделал он это неэтичным способом — невесомым, но неожиданным подзатыльником, из-за которого я, уже по инерции открывшая дверь машины, едва не вывалилась в снег и взвыла:

— Обалдел?!

— Принцесса недовольна? — сочувственно посмотрел на меня лис.

— Когда-нибудь я тебя убью, — мрачно пообещала я.

— Не убьешь. Нет, убить-то ты, конечно, можешь, по глазам вижу, совести у тебя нет, но скрываться от закона дело муторное, а ты наверняка ленивая. Так что нет.

Кулак мой остался сжатым, но цели не достиг — я угодила аккурат в снежную кучу. То ли дворник так неудачно ее замел, то ли Пак специально возле нее припарковался. Лично я склонялась ко второму варианту.

— Ты дверью-то не хлопай! — донесся вслед каприз Пака.

— Не развалится!

Надеюсь, он вдобавок не на моем этаже живет...

* * *

По сравнению со вчерашним днем температура ошутимо снизилась, и за короткую пробежку от парковки я познала всю мощь зимы. Думала, до крыльца не доберусь, так сильно меня била дрожь. А ведь одежда была теплее некуда — куртка с капюшоном, шап-

ка с глупыми косичками, огромные зимние ботинки. Отсутствовали только перчатки, и я чуть ли не впервые в жизни об этом пожалела — пальцы онемели и не желали двигаться. Однако это была не единственная проблема во всем арсенале — кроме этого лицо словно превратилось в маску, к которой больно было прикасаться.

Ногами я старалась передвигать уже не только для того, чтобы улизнуть от Пака, шаги которого хрустели где-то в отдалении, но и для того, чтобы наконец-то войти в здание и кое-как согреться. Наверное, со стороны я, ковыляющая по дорожке, вжавшая голову в плечи, чтобы спрятать лицо от ветра за шарфом, выглядела смешотворно. Как индюшка или курица.

На крыльце я чувствовала себя, будто поднялась к воротам рая. Но идиллию разрушил громкий хлопок двери за спиной. Я рванула к гардеробной, смешиваясь с толпой. Судя по всему, трюк удался — по крайней мере, оглядываясь, макушки лиса я не заметила. Разумеется, велика вероятность, что он тоже направился сюда, чтобы переодеться, так что оставалось только лелеять надежду, что мы, разделенные школьниками, оказались в разных концах.

Близость человеческих тел быстро повысила мою собственную температуру. Однако дрожать я не перестала — наоборот, конечности тряслись, как в судорогах. Пальцы по-прежнему не гнулись, что усложняло задачу расстегнуть куртку. Я прислонилась к стене в углу и принялась предпринимать всяческие попытки избавиться от верхней одежды. Ни одна не увенчалась успехом.

К счастью, явилось спасение в облике Арлекин, вприпрыжку несущейся ко мне, попутно расталкивая всех, кто вставал на пути. На нее шикали, но она

не обращала внимания. Я помахала ей одеревеневшей рукой.

— Привет! — повесилась она мне на шею. — Как спалось? Красивые снились сны? Надеюсь, красивые, потому что на новом месте сны не должны быть мрачными. Кстати, нам нужно как-нибудь собраться у меня, я имею в виду, нам троим — Паку, тебе и мне... — Неожиданно она сжала мои ладони в своих. — Я так рада! Мы теперь подруги, правда? Ты помахала мне рукой, это ведь значит, что мы теперь подруги?

И почему это ее так волнует? Она симпатичная, активная, у таких всегда полно друзей. Таких любят — они понятны, в них нет загадок, они не скрывают свою сущность, но в то же время умеют не говорить то, что окружающие не хотят слышать. С какой стороны ни посмотри, они пользуются наибольшей популярностью, и если не находятся на пике славы, то крутятся в определенном кругу, где ими дорожат.

Впрочем, вчера я не заметила, чтобы Арлекин так уж любил. Скорее, принимали. Да и блеск в ее глазах буквально кричал о том, что она готова на коленях умолять быть ее подругой, столько в нем бурлящей надежды, смешанной с волнением. Я не хотела с кем-либо сблизиться: много мороки, да и Арлекин наверняка отвлекла бы, таская гулять или часами тараторя по телефону. Однако ее взгляду невозможно было сопротивляться.

— Да, конечно.

— Так и знала! Знала, что тебе понравлюсь. А руки-то у тебя какие холодные! Давай, помогу тебе раздеться. Не будешь же ты в классе в куртке сидеть. Нет, ты могла бы, но первым уроком у нас обществознание, поэтому рисковать не стоит — Проповедница за такое и на костер отправит.

— На костер? — удивилась я. Воображение нарисовало образ грозного инквизитора с факелом в руке, облаченного в черный плащ.

— Да. Проповедница у нас яро радеет за дисциплину и правила. За малейшую оплошность к директору тащит. Тот не наказывает, так что бояться нечего, но кто хочет выслушивать истерики.

Она ловко справилась с молнией, и мы совместными усилиями стряхнули с меня куртку.

— Тебе пару перчаток одолжить? — любезно предложила Арлекин. — У меня есть лишние.

— Нет, спасибо, — растерла плечи я. — Думаю, днем потеплеет. Карманы спасут.

Она хмыкнула:

— Как хочешь, мое дело предложить.

— А где будет проходить урок? В том же кабинете, где вчера?

— Тут для каждого предмета свой кабинет. Я тебе составлю список, чтобы ты не путалась. Не волнуйся, освоишься быстро.

— Не сомневаюсь. Так где обществознание?

— На третьем этаже, кабинет триста пять. Поднимаешься по лестнице и налево до самого конца. А разве ты не пойдешь со мной искать Пака?

— Пака? — застыла я. — Зачем?

Арлекин, судя по округлившимся глазам, удивилась не меньше моего:

— Как это «зачем»? Это же Пак.

Мне это немного объяснило, но я не стала выпрашивать:

— Ищи, если хочешь, а я в класс пойду.

— Ладно. Тогда до встречи!

И, резко развернувшись, она бросилась в гущу толпы:

— Пак! Пак! Ты где?!

Дверь нужного кабинета была открыта — я аккуратно просунула голову внутрь и вошла, лишь убедившись, что не одна: за последней партой тройка ребят рубилась во что-то на айпаде. Они мимолетно глянули на меня, тут же вернувшись к своему занятию.

Я выбрала парту, где мы с Арлекин сидели вчера. Тело почти оттаяло, и дискомфорт доставляло лишь болезненно-красное лицо. Когда класс заполнили временные одноклассники, стало немного неуютно, и я скукожилась, вжавшись в спинку стула. К счастью, они мирно прошли мимо — лишь пара девчонок да один парень приветливо мне кивнули.

Арлекин влетела синхронно со звонком, чуть ли не от входа метнув на парту сумку, поспешно вытряхнула учебники и простонала:

— Успела!

— Где была?

Ее щеки окрасил странный румянец:

— С Паком болтали. Ничего особенного.

Я уже приготовилась анализировать факты и делать выводы, но набравшие обороты размышления прервала учительница, хлопнувшая классным журналом по столу:

— Закрыли рты, дети! Доброе утро!

Все тут же вытянулись в струнку:

— Доброе утро, Проповедница!

Учительница не выглядела, как инквизитор, родившийся в моем воображении после слов Арлекин. Простая женщина лет сорока пяти с пучком на затылке, облаченная в деловой костюм. Разве что каблуки слишком высокие. И как на таких можно не шататься?

— Садимся, — произнесла она, и все одновременно заняли свои места. Лишь я чуть задержалась, поудобнее пристраивая стул — и привлекая ее внимание.

- Ты новенькая?
- Да, Проповедница.
- Выбрала лисов?
- Решение еще не окончательное.

Она хмыкнула:

— Как бы там ни было, пока будешь учиться по нашей программе. Как у тебя с обществознанием?

— В прошлой школе было «пять».

Она вдруг рассмеялась. Неужели я сказала что-то не то?

— Я совсем не об этом, — пояснила Проповедница. — Тебе нравится сам предмет?

Я замялась. Никогда не испытывала особых эмоций в отношении обществознания — предмет как предмет, не хуже и не лучше прочих. Я вообще выделяла только литературу и историю, остальное же сливалось в сплошной серый пласт. Поэтому выкрутилась:

— Нормально.

— Что ж, это тоже хорошо. А зовут тебя как?

— Хель.

На этот раз вышло без запинки. Повод для гордости.

— Какое мелодичное прозвище, — восхитилась Проповедница. — Надеюсь, ты останешься с нами. Присяживайся, не стой столбом.

Я облегченно плюхнулась на стул, и в то же мгновение Арлекин чуть сжала мои пальцы под партой.

— Так, дети, у меня есть, что сказать. Очень важно, директор попросил вас предупредить, — нервно начала учительница, — в лесу в третьем районе совершено убийство. Если кто-то живет поблизости, будьте осторожнее. Но даже если вы живете не рядом, будьте начеку — кто знает, вдруг маньяк бродит по всему городу... в общем, держите ухо востро.

Арлекин вздрогнула, и теперь уже я сжала ее ладонь. Я понимала, что это глупо, но почему-то казалось, буд-

то мы в абсолютной безопасности, и даже если случайно встретимся с убийцей лицом к лицу, он нас не тронет. Новость ужасала, однако и пробуждала извращенный эмоциональный подъем. Выходит, не все так просто, и от скуки здесь не зачахнешь.

— Советую носить с собой средство самозащиты, — добавила Проповедница. — Перцовый баллончик, к примеру.

— Лучше ножик! Но с ножиком через турникет не пройдешь, — заверил парень с задней парты. — Лично проверял.

— И зачем же ты в спокойное время тащил с собой нож в школу? — нахмурилась учительница. — Боюсь, нам с директором придется это обсудить. Но не будем о грустном. Мир праху несчастного, а у нас обществознание. Открываем учебники на сто тридцать шестой странице. Таро, читай введение — внятно, не бубни.

Какой-то мальчик начал говорить, но его прервал стук в дверь — из коридора показалась Марина.

— Здравствуйте, — поздоровалась она. — Извините, Проповедница, можно украсть у вас Хель на пару секунд?

Я приосанилась.

Проповедница недовольно поправила круглые очки:

— Хель, будь добра.

Я вытащила руку из ладони Арлекин и юркнула в коридор.

— Доброе утро.

— Привет, — ответила улыбкой Марина. — Как ты себя чувствуешь?

Вопрос слегка ошарашил:

— В порядке. Осваиваюсь.

— Я рада. Чего я хотела-то... — она забавно почесала затылок. — Ты вчера себя показала как хороший

игрок. Нужно подправить технику броска, да и выдыхаешься ты быстро, но это мелочи, которые легко исправить. Я хотела бы провести еще одну тренировочную игру и посмотреть на тебя внимательнее. Не возражаешь?

Признаться, я немного удивилась. Уж не думала, что могу кому-то понравиться *в вышибалах*.

— Почему бы и нет?

Учительница расцвела:

— Отлично! Тогда завтра после уроков приходи в спортзал. И не забудь размяться, договорились?

АРЛЕКИН-I

В детстве, когда мы еще жили на самом краю города, я считала, будто залог счастья — детская площадка, до которой не нужно долго идти, в кровь стирая стопы об острые камни. Дети из огромных многоэтажных домов, представлявшихся мне злыми великанами, норовящими раздавить нашу ветхую избу, приравнивались мною к богам — подумать только, наверное, у них несметное количество сокровищ, раз они могут позволить себе самую настоящую квартиру, из которой выскочишь — и сразу на площадку, да не по острой как кинжалы гальке, а по гладкому асфальту.

Мама строго-настрого запрещала контактировать с людьми, обитающими в домах-великанах. Говорила, они жестоки и кровожадны и непременно сотворят со мной что-нибудь дурное. Я не перечила ей, с утра до ночи читая книги, смотря в окно и занимаясь рукоделием, и лишь изредка помогая ей по хозяйству. Она не допускала меня к домашним делам из-за моей неуклюжести: со смехом трепала по голове и бросала: «Криворукая ты моя», — и возвращалась к своим обязанностям. Доверить мне она могла лишь протереть пыль да вымыть полы. Кухня была запретным царством — посуда вылетала из рук, подчиняясь потусторонней силе, а нож глубоко вонзался под кожу.

Однажды он чуть не вскрыл мне вены. Взмыл вверх и вонзился в деревянный стол в миллиметре от моего запястья. После мама даже масло приказывала резать пластмассовым ножом, опасаясь, что нечто подобное может повториться.

Вечно продолжаться такая жизнь в четырех стенах не могла. Мне нравились книги, вышивание, все то, чем я занималась, но любопытная детская душа требовала разнообразия. Я жаждала узнать, что скрывается за горизонтом, потрогать солнечные лучи. Казалось, будто внутри комнаты они другие, холодные, а там, снаружи — горячие, трепещущие.

Нутро устремлялось к свободе. Едва мне стукнуло десять, я решила, что стала достаточно взрослой, чтобы успешно выскользнуть из искренних, но душастых объятий матери. Пока незаметно, а потом, когда стану старше, переступлю порог этого дома навсегда и пойду вперед, погружаясь в ореол восходящего Солнца.

Я уходила из дома ночью, спустя несколько часов после того, как мама закрывалась на замок. Она запирали все двери, но меня это не останавливало — кутаясь в пухлые теплые вещи, я вылезала через окно. К счастью, оно было невысоким, и мне удавалось спрыгивать на землю достаточно бесшумно.

Наша избушка находилась в отдалении от города, поэтому, чтобы добраться до детской площадки, приходилось идти по каменным и песочным насыпям, рядом с которыми ржавели экскаваторы. Из обуви я располагала лишь дырявыми зимними сапогами с подошвами, больше похожими на мочалки. У мамы же имелись высокие блестящие сапоги из кожи. Я могла бы воспользоваться ими, но она сразу заметила бы нарушение наших негласных законов, и я терпела, даже когда осколки вонзались слишком глубоко. А на следующий день пря-

тала следы походов в теплых носках и сама мыла ноги, чтобы мама не видела.

Помню свой восторг, когда дом-великан оказался вблизи. Помню, как недоверчиво щупала его, прикладывая ладонь к нагретому дневным палящим солнцем бетону, гадала, не поднимет ли он из-под земли исполинскую лапу, чтобы раздавить меня. Как случайно повернула голову, услышав тихий шорох, и увидела площадку — и свой восторг от скорости, когда впервые раскрутила карусель, и высоты, когда взмыла на качелях.

С тех пор я сбегала, не обращая внимания на многочисленные новые и постоянно открывающиеся старые царапины. Меня огорчало, что я не могла пообщаться с ровесниками, но душу тешило то, что я хотя бы узнала, каково это — касаться ночного неба. Из раза в раз оно представало в новой ипостаси — бездонная бездна, безмятежное море с плещущимися волнами, широкая атласная лента, на ощупь мягче кошачьей шерсти...

Со временем я изобрела забаву — раскачивалась так сильно, что качели норовили перевернуться, и с самой высокой точки обозревала окружающий мир. Сначала глаз цеплялся за небо, сверкающий купол. Потом за великанов, спящих со своими жителями, но в любой момент готовых пожрать деревья, машины, дороги, все, что встанет у них на пути. Следом — за автомобили, замершие причудливыми тенями. Я угадывала в них магических существ: утонченных эльфов, единорогов, русалок... Но больше всего я любила кусты, шуршащие под порывами ветра — мне нравилось чувство смутного страха, словно меня могут похитить или просто съесть. При этом я часто размышляла о том, что бы в такой ситуации чувствовала мама, как бы реагировала, искала бы меня или забыла, что у нее когда-то была дочь, ругалась бы или тосковала...

Свое пребывание в школе я сравнивала именно с этой забавой. Одновременно и болезненное, и захватывающее. Нельзя сказать, что люблю учиться, но мне нравится находиться в школьных стенах — из-за людей.

После освобождения от матери меня влекло к ним неодолимо. Они виделись звездной россыпью. Каждый со своими предпочтениями, мыслями, рассуждениями, надеждами, тревогами. Один не похож на другого, и у них редко есть что-то по-настоящему общее. А если и есть, им очень сложно встретиться и стать близкими друг другу. словно океан разбрасывает их в разные стороны, учиняя препятствия, которые они чудом преодолевают, завоевывая собственное счастье. Хватит, чтобы взорвать воображение. Будь я писателем, из них всех можно бы было слепить множество чарующих персонажей.

Но, сколько бы ни всматривалась в идущих навстречу, не могла найти чего-то действительно неповторимого. Звезд было много, но своим светом они затмевали Луну. Будто прятали ее. Но я искала.

У меня есть Солнце. Горячее, яркое. И небо со звездами. Гипнотизирующее, необъятное. Только Луны для Солнца нигде нет.

Так я думала до того, как хлопнули входные двери и в коридор вошла новенькая. Я направлялась в столовую, купить булочку — живот крутило от голода, — и абсолютно случайно застала своеобразное приветствие.

В ее внешности не было ничего особенного. Черты едва ли не скучные, так что, столкнувшись с ней в толпе или пообщавшись ни о чем, ни за что ее не запомнишь. Темные волосы и болтающийся за спиной рюкзак, за какими обычно охотятся в супермаркетах пятиклассни-

ки. И тем не менее она приковывала к себе взгляд. Сначала я не поняла, чем именно, но затем, подобравшись ближе, осознала — ее глаза. Карие, упрямые, пугающие омертвелой глубиной. Не оставляло чувство, словно, если спросить ее о чем угодно, она ответит, как если бы у нее поинтересовались о неоспоримой истине.

Она излучала странный свет. Впервые мне встретился человек, превосходящий звезды — но не так, как мое Солнце; нежнее.

Глядя на нее, невольно вспоминалась владычица царства мертвых, какой я представляла ее в детстве. Потому я и дала ей это имя, и не зря — даже на ошупь эта девушка была холодной. Однако к ней хотелось прикасаться, и я не могла отказать себе в удовольствии — подхватывала ее под локоть, клала голову ей на плечо.

Сегодня был лишь второй день нашего знакомства. Она ничего не знала обо мне, я не имела ни малейшего понятия о ее жизни, но могла утверждать, что достигну цели — стать ее подругой. И вот, Хель сама сжала мою руку под партой. Наверное, подумала, что мне страшно. Если бы мы дружили дольше, я бы даже обиделась — неужели меня испугает какой-то убийца? Уж у кого, а у меня найдутся силы защититься. И у Господина Солнца тоже.

Новости о несчастном мальчике никого не тронули. Скорее, никто не поверил — преступления в городе совершаются редко и банально. Нарушители закона никогда не выставляют себя напоказ.

В целом урок прошел спокойно: Проповедница монотонно объясняла тему, убаюкивая учеников, пытавшихся бодриться, засовывая руки в рукава, читать что-то в учебнике или с экранов телефонов. Наверное, только мы с Хель чувствовали себя приподнято — мне

не давала смыкать глаз радость оттого, что мы теперь подруги, а она сосредоточенно конспектировала слова Проповедницы.

Идиллию омрачила Марина. Решила подстроить пакость, не иначе. Например, отговорить ее присоединиться к нам. Она всегда тяготела к волкам, поддерживала их, делала все возможное, чтобы они одерживали верх везде и всегда.

Впрочем, вернулась Хель посвежевшей — уголки ее тонких губ чуть приподнялись. Я угомонилась — значит, Марина не приплела ничего, связанного с выбором «лагеря». Любопытство одолело уже через секунду и, только Хель заняла свое место, я тут же зашептала:

— Чего она хотела? Не тяни, интересно же!

— Да ничего особенного, — ответила она. — Пригласила в спортзал завтра после уроков, чтобы проанализировать мою игру и как положено оценить мои способности.

— Ты согласилась?

— Да. Это займет от силы час, а мне некуда спешить.

Возможно, она бы добавила еще что-то, но нас прервал стук линейкой по столу:

— Девочки, будьте добры, перестать чесать языками на моем уроке! У вас неограниченное для болтовни время за пределами школы, а мы располагаем сорока пятью минутами! Если уж не хотите учиться, хотя бы уважительнее относитесь к тем, кто хочет! Вы мешаете не только мне, но и своим друзьям!

После этого мы сидели молча. Я крутилась туда-сюда, рассматривая одноклассников. Они еще не проснулись и вели себя тихо, так что мне быстро наскучило, и тогда я принялась рисовать за красными полями тетради.

Звонок не хуже будильника смел дрему с ребят, а меня заставил испуганно подскочить. Хель его словно не услышала — педантично дописала строчку, положила ручку в пенал с парой значков и сложила все вещи в одну аккуратную стопку. Когда Проповедница отпустила нас на перемену, запихнула их в портфель, закрыла его на молнию и уточнила:

— У нас сейчас литература, верно?

— Ага, — откликнулась я. — Любишь ее?

— Больше остальных предметов.

— По тебе и видно, что ты не технарь, так что не удивлена. А мне вот не очень нравится. По мне, так это муторно — разбирать, кто, что и зачем сделал. Да и рассказывается там не о живых людях, а плодах воображения. Бессмыслица.

Хель передернула плечами будто уязвленно:

— На вкус и цвет...

Мы сделали несколько шагов к двери. Ни слова.

— Ты обиделась, да? — погрузилась я. — Прости, я же не специально.

— Нет, — равнодушно ответила Хель.

— Да вижу же, что да. Эй! Ну я правда не хотела!

— Знаю и не обижаюсь. Перестань видеть то, чего нет.

Я открыла рот, чтобы вновь затянуть свою волынку, как услышала грубое:

— Эй, рыжая!

— Чего тебе, куцый хвост?

Хель напряглась. Видимо, вспомнила его выходку, которую он учудил в ее первый школьный день.

Увидев ее, Гери тут же приосанился:

— Доброе утро, Хель.

— Откуда ты знаешь ее прозвище?! — взвилась я. Неужто в этих стенах слухи распространяются настолько быстро? И кто за это ответственен?!

— Взаимно, — буркнула Хель, доброжелательности в тоне ни на грош.

— И зачем ты к нам наведался, — уперла руки в боки я. — Не для того же, чтобы с моей подружкой лясы точить? Чего тебе? Давай быстрее, нам на другой этаж, не хочу тратить время на тебя.

— А ты как всегда многословна, аж уши вянут.

— Не издевайся. Говори.

Он поднял руки в защитном жесте:

— Ладно, ладно, уговорила. В общем, Он, — волк сделал ударение, — приказал подойти к нему в радиорубку. Срочно.

До меня не сразу дошел смысл слов. *Он* попросил *Гери* передать мне, чтобы я подошла в радиорубку? *Он* попросил *Гери*? Seriously?

Они слишком не ладили для подобного. Впрочем, Он успел настроить против себя всех волков и большую часть лисов, так что трудно было бы найти человека, относившегося к нему с искренним участием. В большинстве случаев его принимали за шута или клоуна, о чьих проделках слагали легенды.

Я улыбнулась Хель как можно непринужденнее:

— Я тебя ненадолго покину, но к уроку вернусь. Дойдешь сама?

— Школа — не лабиринт Минотавра. Не сгину.

Радиорубка находилась над спортивным залом рядом с женской раздевалкой и представляла собой два совмещенных помещения — собственно рубку с приборами, откуда открывался великолепный обзор на актовый зал, и комнату для занятий музыкой. В центре стоял синтезатор, по углам — балалайки, гитары и скрипки, на полках шкафа — флейты, свирели и дудки. Мне там доводилось бывать лишь несколько раз: когда проводила

радиопередачу и когда ждала занимающуюся игрой на синтезаторе одноклассницу. Ей было страшно ехать домой в одиночестве.

До указанного места я добралась за три минуты, перебежав из одного конца здания в другой, расталкивая младшеклассников, абсолютно не смотрящих вокруг.

Из раздевалки доносились крики, вопли и отголоски каких-то обсуждений, то и дело сновали туда-сюда девчонки. Я подгадала момент, когда рядом никого не оказалось — нашей беседе не нужны свидетели. Нерешительно дернула ручку и проскользнула в образовавшуюся щель, поспешно захлопывая дверь за собой.

Господин, мое Солнце, вертелся в кресле, глядя в потолок и беззвучно шепча что-то. Я застыла, спиной прижавшись к холодной металлической поверхности.

Увидев меня, Он улыбнулся:

— Привет, Арлекин. С Хель все в порядке?

— Да, Господин, — склонила голову я. Казалось, если посмотрю ему в лицо, ослепну.

— Она уже освоилась?

— Да, Господин.

Он сменил позу, облокотившись спиной о подлокотник и закинув ноги в кедах на свободный стол.

— Я слышал, эта стерва Марина хочет пополучить ее к себе в команду.

— Да. Ей понравилось, как она играет.

— Марина — приверженец волков, и, если Хель согласится играть, непременно переведет ее к ним. Если это случится, она непременно выберет волков и присоединится к ним. Мы не можем допустить столь удручающего финала.

— Как же быть?

Господин Солнце нахмурился:

— У нас много нерешенных неприятностей, но на данный момент ситуация с вышибалами должна волновать нас сильнее прочего, поэтому стоит для начала разобраться с ней. Пока не будем переходить к активным действиям, чтобы не привлекать внимание Волка. Ограничимся контролем действий Хель.

У меня перехватило дух. Неужели впервые за долгое время настоящее задание?!

— Что прикажете, Господин? — с придыханием спросила я, предвкушая ответ.

Он перевел на меня хитрый взгляд:

— Не напрягайся так, Арлекин. От тебя требуется сущий пустяк — ни на шаг не отходить от нее в школе. В прямом смысле ни на шаг. Поняла?

— Да! Для меня это совсем не сложно, мне нравится находиться рядом с ней!

Не успела я и моргнуть, как почувствовала удар об стену, выбивший воздух из легких, и пальцы, обвившие горло. Господин вздернул меня в воздух, смотря с бешеной яростью. Острый коготь скользнул по щеке. Кажется, на воротник упала капля крови.

— Не перебарщивай, — угрожающе прошипел он. — Она наша. Не твоя.

Я не в состоянии была говорить в таком положении, но попыталась прохрипеть: «Я и не думала!»

Он резко разжал свою железную хватку, и я упала, судорожно хватая ртом воздух.

Он развернулся, бросив мне шарф, и уже на пороге произнес:

— Замотаешься, чтобы не было видно синяков. И не забывай о задании. Сама знаешь, мои приказы должны исполняться беспрекословно. Если не хочешь умереть, разумеется.

ХЕЛЬ-II

Никогда не любила большие здания с ответвлениями коридоров и помещений. Поворот не туда, и уже не знаешь, какой ориентир искать и куда направляться, чтобы выбраться из петли. Эта школа относилась к ряду лабиринтов — не такая уж крупная, но испещренная тупиками, словно шрамами, предназначение которых оставалось тайной за семью печатями. Столичная школа была проще — лестница слева, лестница справа, напротив главного входа — столовая и спортзал. Ничего сложного. Но здесь... не учебное заведение, а муравейник. Мимолетное наблюдение: и ученики порой путаются — приходят к кабинету, видят чужой класс и несутся прочь, как ошпаренные, ведь звонок должен прозвучать через минуту. Сначала я думала, что они, возможно, тоже недавно сюда перевелись и потому немного дезориентированы, но вспомнила слова Арлекин о том, что я первая новенькая за несколько лет. Резонно лишь признать, что школа запутанная, вот и ошибаются даже те, для кого она успела стать вторым домом.

Перед Арлекин я храбрилась, заявляя, что разберусь без проблем. В действительности же ситуация обстояла не столь оптимистично — после того, как она убежала на встречу с загадочным потенциальным поклонником,

я добрых двадцать минут блуждала по зданию в поисках кабинета литературы. Положение ухудшало также то, что номера далеко не всех помещений соответствовали этажу — двести двадцатый мог быть на первом, триста двадцать второй — на втором. Если задуматься, план здания был не таким уж мудреным, смущала скорее беспорядочность номеров. Однако я и с ней справилась, мотаясь туда-сюда, — ворвалась в класс как ураган и плюхнулась на место аккуратно, когда трель заглушила разговоры школьников.

На уроке Арлекин не появилась. С ее стороны парты шел странный холод — вроде и плод воображения, но осязаемый. Разнервничавшись, я едва дотерпела до конца занятий — вдруг с ней что-то произошло? Однако беспокоилась зря — она обнаружилась в туалете, расчесывающей волосы гребешком, похожим на те, чьи изображения мелькают в энциклопедиях по славянскому фольклору. То и дело она поправляла красивый шарф под цвет формы. Раньше его не было, но я не стала спрашивать, откуда она его взяла — и так ясно, тот самый парень подарил. Уж слишком лихорадочно блестели ее глаза.

После казусов не происходило. Арлекин вилась за мной как приклеенная. Это не особенно напрягало, но вызывало недоумение — она и раньше не соблюдала дистанцию, однако теперь переступала все границы. После уроков она даже вызвалась проводить меня до дома. Я пыталась отказать, уверяя, что знаю дорогу и не хожу по проезжей части, но она не желала слушать, демонстративно зажимая уши. Нельзя сказать, что я расстроилась по этому поводу — Арлекин развлекала мастерски, шутя и строя такие рожи, что поневоле рассмеялся бы даже самый безразличный и жестокосердный человек.

В итоге расстались мы только у подъезда. Прежде чем уйти, она крепко обняла меня и порывисто поцеловала в щеку. По мне — пошлая «традиция», но в ее исполнении это выглядело искренне. К тому же от нее приятно веяло цитрусами.

Поднималась я по лестнице, игнорируя существование лифта, медленно, рассматривая каждую ступеньку, вытирая ноги о каждый расстеленный коврик и пиная оставленные местными «весельчаками» пустые бутылки в темные углы. Отец наверняка не вернулся с работы, а вот мама совершенно точно дома с братом — сегодня у него нет дополнительных занятий, оставить его одного она не может, поэтому по своим делам не отлучится.

Пересекаться ни с кем не хотелось. Братец со стопроцентной вероятностью припомнит утреннее происшествие, а мама не воздержится от поучительной лекции о том, что мне нужно изменить свое поведение. Но выхода не было — раз они дома, дверь закрыта; чтобы попасть в квартиру, нужно звонить в звонок. Кто-нибудь откроет, и я окажусь с ними лицом к лицу.

На минуту я вполне серьезно озадачилась: а не скоротать ли ночь в местной гостинице, выключив телефон? Немного денег лежало в потайном кармане рюкзака, наверняка хватило бы и, быть может, даже на завтрак. Однако, как ни тяни время, час расплаты грянет. Перед входной дверью я стояла как на эшафоте, нажимая на неприметную белую кнопку. Отзвучали установленная бодрая мелодия, радостный вскрик брата «это папа?!» и короткие шлепающие шаги матери. Замок шелкнул, изнутри дыхнуло плотным ароматом томящегося на плите ужина.

— Привет, — подбоченилась я.

— Привет, — нейтрально произнесла мама, пропуская меня внутрь.

Я старалась не смотреть на нее, заслонив лицо распущенными волосами и старательно снимая обувь.

— Чем заниматься будешь? — облокотилась о стену она.

— Да так... Уроки сделаю, погрееусь в ванной и спать. Хочу лечь пораньше.

— Поужинаешь?

— Нет, спасибо. Плотно пообедала в школе, — соврала я.

На самом деле, на обед я не пошла из-за того, что Арлекин в упор отказалась спускаться в столовую, утверждая, что еда там отвратительная. Я склонялась ей верить, но о том, как буду обходиться без еды до завтра, как-то не спохватилась.

— Оставлю тебе отдельную порцию в холодильнике на случай, если все-таки захочешь поесть. Накрою зеленой крышкой.

Считай, проблема решена — главное, подгадать момент, когда поблизости никого нет.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Не за что.

И мама скрылась на кухне. Я зашла в ванную, чтобы помедитировать над раковиной, отогревая пальцы, а затем закрылась в комнате, достала дневник с пеналом и поудобнее уселась за письменным столом. С уроками не оттягивала — лучше сразу отмучиться, а вечером отдыхать.

Два часа я исправно занималась. Сделала задания на день вперед, чтобы после завтрашней тренировки ничего не делать, и решила, что на сегодня довольно. Тело ломило, голова раскалывалась. Горячая ванна была лучшим вариантом, поэтому я взяла так и не дочитанный рассказ, пижаму и полотенце и незаметно выскользнула из комнаты.

Кипяток с рокотом наполнил ванну. Листы с рассказом я положила на корзину с грязным бельем, чтобы не намочить, повесила полотенце на бортик, скинула одежду и с удовольствием забралась под кран, чтобы не замерзнуть. Перебравшись на противоположный край ванны, вытянула ноги и едва сдержала порыв нырнуть и свернуться в калачик на самом дне. Было тепло и невыразимо хорошо, так что веки тут же потяжелели. Однако я все же вытерла руки о висящее на бортике полотенце и взяла листы. На их поверхности все равно выступили еле заметные мокрые пятна, но в этом не было ничего страшного, и я с чистой совестью принялась за чтение.

Люди быстро забыли об изначальных богах, и те покидали насиженные места, расселяясь все дальше по сторонам света, оставляя после себя лишь смутные свидетельства своего существования. Человеческие жилища и святилища разрушались, уходя под землю. Смертные утратили трепет и отныне не провожали души убитых на охоте животных песнями. Они не помнили о том, что в любой момент перед ними может встать божество в облике зверя, чтобы покарать за грубое обращение с собратьями.

Связь между Изначальными и людьми разрушалась. Однако в то же время крепились иные узы — между людьми и богами в человеческом обличье.

Эти странные существа с телами и лицами смертных, но с божественными дарами, явились неожиданно. Изначальные посчитали их чужаками, затем — новыми созданиями неведомого Творца, и лишь позже осознали Истину. Новые боги являлись плодом человеческого воображения — люди, не встречавшие зверей-покровителей, сочиняли сказки о могущественных богах, подобных себе, и сами же в них верили. Те родились из этой веры.

От десятилетия к десятилетию, от жертвы к жертве их могущество возрастало, и вскоре они могли поспорить с Изначальными за власть. Когда-то они странствовали, свершая лишь простые чудеса, а отныне имели власть сжигать поля, насыпать саранчу, морить скот, разрушать, но и исцелять — коровы давали много молока, урожай не умещался в амбары, дожди поливали плодотворную почву.

Изначальные отступили, слились с природой, перестали воевать за веру смертных, научились жить без почестей. Не в меру гордого и самовлюбленного Лиса это возмущало, рассудительного Волка же ничуть не беспокоило. Они по-прежнему были способны своей силой превратить мир в горстку пепла или озарить его солнцем, но использовали свои возможности, лишь чтобы убежать от охотников, не способных отличать простых животных от божественных, или принять человеческий облик. К счастью, своего гостеприимства смертные не растеряли, и гость был для них неприкосновенен.

Изначальные свыклись со своим положением, а некоторые даже сочли, что теперь, когда не нужно ни о ком заботиться, живется лучше — не нужно откликаться на призывы волхвов и шаманов, можно сколько угодно летать, бегать, плавать, дышать.

Века утекали как вода. Люди воевали, женились, молились своим богам и проливали кровь. Те боги наблюдали за ними, упиваясь своей силой, порой спускаясь к подопечным, но вновь возвышаясь в райские кущи, откуда так удобно раскладывать партию в шахматы, используя смертных как фигурки.

Изначальные не зависели ни от кого. Люди их не помнили, незваная замена перестала обращать на них внимание, ведь они не претендовали на любовь их пешек. Однако люди всегда идут вперед, оставляя истину позади — такой же-